

R E C E N Z J E

Michael Moser, „ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО“ 1717 г. У ИСТОКОВ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА, *Slavische Sprachgeschichte*, Bd. 10, Wien: LIT VERLAG GmbH & Co. KG, 2020, ss. 456.

В исторической русистике подробное монографическое описание языковых особенностей разных уровней, как правило, предпринимается в отношении письменных памятников ранних периодов истории русского языка. Язык текстов старорусского периода и более позднего времени привлекает внимание отдельными языковыми особенностями, фрагментарно попадая в очерки, обзорные описания широких временных отрезков, учебные пособия и т. п. Исследования языка письменных источников Петровской эпохи, состоящих в значительной степени из переводов, тем более немногочисленны. В этой ситуации новая книга Михаэля Мозера, посвященная языковым особенностям изданного в 1717 г. компилятивного педагогического сочинения *Юности честное зеркало* (ЮЧЗ), является крайне востребованной.

Как указывает в предисловии автор, его книга преследует двоякую цель – как собственно научную (описание языковых особенностей), так и педагогическую: книга адресована участникам семинара М. Мозера по истории русского языка в XVIII веке, но полезна также широкому кругу читателей. В соответствии с этим изложение в книге распадается на две связанные друг с другом части. Разделы 1-4, занимающие в совокупности больше трети всей книги, дают в информативном, хорошо структурированном виде общее краткое представление об актуальном для изучающих язык петровской эпохи контексте появления ЮЧЗ и не содержат непосредственного анализа языка этого текста. В Разделе 1 М. Мозер обосновывает выбор этого текста для описания и обращает внимание на его композицию – а именно на наличие в ЮЧЗ разнородных в языковом отношении частей (с. 24). Это оригинальное положение, ранее не учитывавшееся при оценке

языка памятника, позволяет ученому подвергнуть сомнению тезис Виктора М. Живова о «простом языке» как лингвистической основе ЮЧЗ и становится отправным пунктом всего последующего лингвистического анализа.

Также в первом разделе М. Мозер обсуждает существующие сведения об авторстве и источниках ЮЧЗ. В вопросе авторства ученый акцентирует внимание на нерусском происхождении потенциальных авторов этого пособия (Гавриила Бужинского, Якова Брюса и Иоганна Пауса), не упоминая при этом русского по происхождению Федора Поликарпова, имя которого также называется в числе возможных авторов ЮЧЗ¹. В наличии нескольких авторов и разнородности источников, использованных для составления русского пособия, М. Мозер видит основную причину языковой неоднородности разных его частей.

Разделы 2-4 менее тесно связаны с основным объектом исследования, давая информацию о культурном контексте – реформаторской деятельности Петра I (Раздел 2), ранним примерам использования арабских цифр в России (Раздел 3) и новом гражданском шрифте (Раздел 4), использованном в том числе при издании ЮЧЗ. Приводимая фактологическая информация в наиболее обширном Разделе 2 лишь в единичных случаях, связанных с использованием сведений из известной работы Петра Пекарского 1862 г.², нуждается в уточнениях. В перечне переводов, выполненных русскими в заграничных командировках, М. Мозер указывает вслед за Пекарским на французский оригинал перевода трактата *Деньги и купечество*, выполненного Иваном Щербатовым (с. 69); согласно позднейшим исследованиям, перевод был выполнен с английского³. При описании взаимодействия Петра I с Ф. Поликарповым в качестве автора исторического сочинения приводится устаревшее мнение Пекарского о лексиконе, упомянутом в переписке по этому вопросу (с. 96)⁴.

Раздел 4 во многом построен на полемике с Абрамом Шицгалом, видевшим в «московском гражданском письме» основной источник введенного Петром I гражданского шрифта. Опираясь на свидетельства современников и другие факты (в том числе – допетровскую традицию печатных изданий у славян), М. Мозер присоединяется к точке зрения, рассматривающей европейскую антикву как наиболее достоверный ориентир при создании нового шрифта. Автор останавливается также на его названии и отмечает, что название гражданского

¹ Я. Кусбер, *Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII – первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность*, Москва 2018, с. 85-86.

² П.П. Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, Т. 1-2, Санкт-Петербург 1862 (эта работа по недосмотру отсутствует в библиографии к книге М. Мозера).

³ См.: Т.Д. Коркина, *Трактат И. Ляуса «Деньги и купечество»: история русского перевода 1720 г. и текстологический анализ списков*, «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» 2020, т. 16, № 3, с. 725-743.

⁴ Подробное рассмотрение см.: Г.А. Мольков, *История составления «Лексикона вокабулам новым по алфавиту» Ф. Поликарпова, «Славянская историческая лексикология и лексикография»* 2019, вып. 2, с. 151-165.

шрифт получил только к середине XVIII века, а при Петре имел несколько других названий и чаще всего назывался «новоизобретенными литерами». Однако можно указать примеры и более близкого к петровскому времени применения к новому шрифту определения гражданский. Уже в октябре 1727 г. так называет наборные литеры президент Академии наук Лаврентий Блюментрост: «...во академію наукъ потребно... литеръ гражданской азбуки средней руки строчныхъ, съ прописными, двѣнадцать пудъ, да мелкой гражданской азбуки, строчныхъ съ прописными двѣнадцать же пудъ, новыхъ»⁵.

Вторую часть монографии, непосредственно посвященную языку ЮЧЗ, составляют Разделы 5-7. Раздел 5 является предваряющим собственно исследовательскую часть обзором существующих суждений лингвистов о языке ЮЧЗ. Обзор вполне отражает плохую степень изученности языка этого важного памятника петровской эпохи: среди перечисленных авторов лишь отдельные (в первую очередь – В.М. Живов, также Александр Исаченко) дают развернутые характеристики языка ЮЧЗ. В основном же М. Мозер ссылается на авторов общих курсов по истории русского литературного языка, и при этом стоит отметить, что отбор приведенных мнений произведен непоследовательно. Например, ссылаясь на книгу Виктора Д. Левина, ученый отмечает, что само ЮЧЗ у Левина «упомянуто не особо, однако описывается его лингвоисториографический контекст» (с. 159); также интересующий М. Мозера текст не упоминается в книге Бориса А. Успенского, которой посвящен отдельный параграф раздела. Это придает обзору известную неполноту, т. к. «лингвоисториографический контекст» петровской эпохи обсуждается в более широком круге лингвистических работ⁶. В то же время круг лингвистов, обращавшихся в своих работах к примерам из ЮЧЗ, также можно расширить⁷.

Раздел 6 посвящен структуре объекта описания, и в нем М. Мозер более подробно останавливается на базовом для языкового анализа ЮЧЗ тезисе о лингвистической гетерогенности трех частей этого сочинения (букваря, правил поведения для юношей и для девушек). О неизученности этого вопроса ученый замечает следующее: «до сих пор исследователи языка ЮЧЗ сосредоточивались всего лишь на ЮЧЗ “в узком значении”, полностью игнорируя букварь и не обращая достаточного внимания на то, что и глава о девушках, вопреки тому, что она более консервативна во многих отношениях, является неотъемлемой частью ЮЧЗ» (с. 178). М. Мозер формулирует тезис о том, что каждая из трех частей произведения «принадлежит разным авторам» (с. 169), однако поддерживается здесь от того, чтобы эксплицитно соотнести каждого из трех названных в Разделе 1 авторов с тремя разделами ЮЧЗ (не делается этого

⁵ *Материалы для истории Императорской Академии наук*, т. 1, Санкт-Петербург 1885, с. 290.

⁶ См., например: Л.Л. Кутина, *Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа*, [в:] *Язык русских писателей XVIII века*, отв. ред. Ю.С. Сорокин, Ленинград 1981, с. 43-46.

⁷ См.: Н.Н. Щербакова, *Словообразование русской просторечной лексики XVIII века*, диссертация на соискание степени доктора филологических наук, Омск 2006, с. 47-48.

и в заключительном разделе). Хотя при анализе языка (при обсуждении форм инфинитива на *-ти*) ученый вскользь замечает, что «автором главы о девушках по всей вероятности был украинец, наверное Гавриил Бужинский» (с. 331). В результате не совсем ясным остается, связана ли, по мнению М. Мозера, специфика языка каждой из частей пособия с нормализаторскими установками конкретного автора.

Ядро монографии составляет Раздел 7, содержащий обстоятельный дробный анализ языка ЮЧЗ на всех уровнях – особенностей форматирования и шрифта текста в издании, графики, орфографии, морфонологии, грамматики и лексического состава. В соответствии с «поражающей гетерогенностью» языка ЮЧЗ (М. Мозер метафорически называет его русско-церковнославянским «суржи-ком»), обсуждавшейся в предыдущих разделах книги, внимание автора монографии в первую очередь направлено на позиции неупорядоченного использования вариантов; кроме того, в целом отслеживается использование в тексте маркированных элементов, отсылающих к церковнославянскому или наоборот – к разговорному узусу. В конечном счете общее положение о неупорядоченности в использовании вариантов, составляющее хорошо известную специфику русского языка в начале XVIII в., М. Мозер озвучивает в качестве главного вывода в заключении к книге (Раздел 8): «Крайнее языковое разнообразие на всех языковых уровнях не позволяло рассматривать его [ЮЧЗ – Г. М.] как образец “хорошего употребления”», в связи с чем ЮЧЗ «никогда так и не стало успешным школьным пособием» (с. 438). В этом аспекте монография М. Мозера в соответствии с одной из своих задач является хорошей иллюстрацией, дающей возможность в мельчайших подробностях ознакомиться со структурированным и снабженным комментариями языковым материалом сложного для анализа текста.

С точки зрения научной новизны, наибольший интерес в книге представляют наблюдения автора за языковыми элементами, сохранившими маркированный статус и неоднородно распределенными в тексте ЮЧЗ. Каждая из трех частей этого пособия имеет характерные отличия в отборе языковых средств. М. Мозер последовательно акцентирует внимание на показательных в этом отношении параметрах. Сравнение букваря в составе ЮЧЗ с «Азбукой» 1710 г., которая легла в его основу, показывает, что в этой части ЮЧЗ «более традиционно, чем “Азбука” 1710 г.» (с. 195). Содержащий наряду с гражданским шрифтом алфавит, напечатанный традиционной кириллицей, и включающий в состав свод библейских изречений, букварь является наиболее консервативной по языку частью ЮЧЗ.

Существенные отличия М. Мозер наблюдает и в языке правил, адресованных юношам, с одной стороны, и девушкам – с другой. Уже в начале раздела ученый формулирует суть этого отличия: несмотря на то, что «почти все виды колебаний форм встречаются в обеих частях» правил, «в правилах для юношей правки, по-видимому, чаще всего проводились в направлении от преимущественно русского языкового материала к определенной “церковнославянизации” форм,

между тем как в правилах для девушек они производились наоборот: в направлении от преимущественно церковнославянского текста к определенной русификации отдельных форм» (с. 181). Таким образом, ситуация в разделе, адресованном девушкам, напоминает язык слов и речей Феофана Прокоповича, описанный в вышеупомянутой статье Лидии Л. Кутиной. Ряд языковых особенностей отличается преимущественным употреблением в одном из разделов (например, префикс вида *воз-* преобладает в главе о девушках, а *вз-* встречается «почти исключительно» в главе о юношах (с. 270-271); в главе о девушках значительно реже используется конструкция с предикативным должно (с. 372) и нек. др.). Чаще, по наблюдению М. Мозера, встречаются языковые средства, употребление которых ограничено одной из глав в составе правил. Только в тексте правил для девушек присутствуют такие церковнославянизмы, как флексия *-ии* в им. пад. муж. р. мн. ч. (с. 315), форма местоимения себе в вин. пад. (с. 324), относительное местоимение *иже* (с. 326), 18 форм аориста и имперфекта (с. 346), конструкция с дат. самостоятельным (с. 372); напротив, только в главе о юношах использованы такие разговорные по происхождению средства, как модель *учну* + инфинитив для передачи будущего времени (с. 343), «народное *про*» при глаголах говорения (с. 369), «народное *вослибо*» (с. 382), *будто* (с. 387) и др.; союз *какъ* в главе о юношах контрастирует с применением *яко* в той же функции в главе о девушках (с. 385), аналогично противопоставлены лексемы *шгья / вяя, глазъ / око* (с. 404) и т. д. На наш взгляд, можно было бы обобщить эти рассеянные по разным параграфам ценные языковые данные в заключительном разделе книги. Выявленная М. Мозером совокупность языковых средств, имеющих ограничения на использование в рамках гетерогенного языка, может послужить полезным инструментом при анализе других письменных источников по ранней истории русского литературного языка. В завершение отметим, что интерпретация некоторых языковых явлений, рассмотренных в Разделе 7, представляется спорной. Неоправданной представляется квалификация ряда написаний, встретившихся в ЮЧЗ, как ошибок. Не должен удивлять не совпадающий с современной нормой выбор при написании *-н-/-нн-*: написание избраная в букваре (с. 197) вполне соответствует рекомендациям Мелетия Смотрицкого и имеет параллели, в частности, в узусе петровских «Ведомостей»⁸, а написание двойного *н* в слове истинна (с. 246) встречается в письменном узусе и во второй половине XVIII века⁹. Написание *тшїся* (с. 198) нельзя считать «опечаткой», поскольку аналогичные написания, отражающие фонетику живой речи, встречаются, например, в корреспонденции петровского времени: *тшитца будутъ*¹⁰. Использование точки с запятой вместо вопросительного

⁸ В.В. Каверина, *Становление русской орфографии в XVII-XIX вв. правописный узус и кодификация*, дисс. на соискание степени доктора филол. наук, Москва 2010, с. 335-337.

⁹ Там же, с. 350.

¹⁰ *Письма и бумаги императора Петра Великого*, т. 3 (1704-1705 гг.), Санкт-Петербург 1893, с. 360.

знака (с. 219) соответствует ее функции в допетровской традиции¹¹. По-видимому, не являются ошибочными прилагательные с суффиксом *-ьн-* вм. *-ьн'* (с. 198, 240) – ввиду активного взаимодействия этих суффиксов в языке допетровского времени¹². Твердое произношение глагольного постфикса (*-сь* вм. *-сьь*) в форме *гордїтесь* (с. 244) отражает фонетическое явление и даже допускалось грамматикой Анатона А. Барсова¹³.

Некоторые комментарии автора к конкретным формам, на наш взгляд, нуждаются в уточнении. Неубедительно объяснение корневого *a* в форме укрощает «ассоциацией с часто употребляемым в тексте *украшати*» (с. 237) – как и в рассмотренном на той же странице книги глаголе *раждатися*, в глаголе *украшати* основа с *a* закономерна¹⁴. Для текста XVIII в. неоднозначно восстановление инфинива показывать на материале форм с основой на *-yʃ-* (с. 266) – они могут составлять избыточную парадигму к инфинитиву на *-ывать*¹⁵. Твердую основу имеет не только форма *въ церкви*, но и рассмотренная чуть выше на с. 283 форма *въ церквѣ*. Форма на *-у* в синтагме *премѣненїе закону дается* (с. 286), вероятно, является формой дат. падежа (зависит от глагола *даваться*). Спорно отнесение слова *врата* к муж. роду (с. 312) – оно имело исконное согласование по сред. роду¹⁶. Ошибочно рассматриваются как корреляты формы местоимения *то / тое* (с. 321) – последняя является формой вин. падежа жен. рода¹⁷ (о чем говорит и ее замена в позднейшем издании ЮЧЗ на *ю*). Род. падеж вместо дат. в примере на с. 368 (не имѣеть глупои онои пословїцы слѣдовать), по-видимому, обусловлен отрицанием. На слово *суть* (с. 425) можно привести несколько более ранний пример – из записок Бориса И. Куракина 1710 г.¹⁸ Кроме того, при чтении книги нами было замечено достаточно большое количество опечаток (около сотни).

Георгий Мольков

Институт лингвистических исследований РАН

¹¹ Б.И. Осипов, *Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации*, Москва-Омск 2010, с. 60.

¹² Н.П. Зверковская, *Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI-XVII вв.*, Москва 1986, с. 12-24.

¹³ А. Граннес, *Просторечные и диалектные элементы в языке русской комедии XVIII века*, Bergen – Oslo – Tromsø 1974, с. 80-85.

¹⁴ См.: *Словарь русского языка XI-XVII вв.*, вып. 31, Москва 2019, с. 336.

¹⁵ З.М. Петрова, *О приемах разработки вариантных глагольных форм в Словаре русского языка XVIII века (Глаголы с суффиксами -ова- / -ыва-), [в:] Проблемы исторической лексикографии*, Ленинград 1977, с. 60-69.

¹⁶ *Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.)*, т. 1, Москва 1988, с. 483.

¹⁷ См.: П.С. Кузнецов, *Очерки исторической морфологии русского языка*, Москва 1959, с. 132.

¹⁸ *Архив князя Ф.А. Куракина*, кн. 2, Санкт-Петербург 1891, с. 203.